

XX. „МУЖИЦКИЙ ДЕМОКРАТ“

С 1856—1857 годов начинается второй период журнально-публицистической деятельности Чернышевского. Если прежде подавляющее большинство его статей относилось к области литературы, то во втором периоде решительно преобладали политико-экономические, исторические, философские и публицистические темы.

Объяснение этой перемены «интересов» мы найдем в воспоминаниях самого Чернышевского, написанных через тридцать лет, уже незадолго до смерти. Воспоминания, вернее, заметки, которые мы имеем в виду, были вызваны прочтением вышедшего в свет издания сочинений Некрасова.

Чернышевскому, жившему в то время на положении поднадзорного ссыльного, было запрещено выступать в печати, и он не мог ни издать воспоминаний о своем друге и соратнике, ни выступить с развернутой критикой рассуждений о Некрасове буржуазно-либеральных редакторов посмертного издания его сочинений. Но он считал необходимым внести некоторые существенные поправки в эти рассуждения, как участник описываемых событий, как человек, близко стояв-

ший к редактору «Современника». Поправки его предназначались для будущих биографов великого поэта.

Чернышевский указывает, что образ мыслей Некрасова не мог претерпеть каких-либо существенных изменений «под влиянием того сильного движения, какое началось в обществе» после Крымской кампании, ибо был еще ранее твердо установившимся. Он настойчиво подчеркивает, что «дело было не в расширении «умственного и нравственного горизонта поэта», а в том, что цензурные рамки несколько «раздвинулись» и поэт получил возможность писать кое о чем из того, о чем прежде нельзя было ему писать». «Причина невозможности всегда была цензурная», «...содержание его поэтических произведений сжималось или расширялось соответственно изменениям цензурных условий...»

Точно так же обстояло дело и с публицистическими произведениями самого Чернышевского.

Неудачная Крымская кампания, нараставшие внутри страны крестьянские волнения и ширившееся общественное движение в пользу отмены крепостного права заставили правительство царской России несколько ослабить цензурные строгости, и это дало возможность писателям революционно-демократического лагеря выступить более широко. Если бы возможность касаться вопросов, издавна составлявших «предмет их затаенных желаний», явилась раньше, то и в «Современнике» заговорили бы о них раньше.

Цензурный гнет ослабел только частично, но даже это частичное ослабление «раздвинуло внешние ограничения», стеснявшие прежде деятельность революционных демократов, и дало возможность Чернышевскому осветить в своих статьях наиболее важные и акту-

альные темы, среди которых самой острой и волнующей темой был давно назревший «крестьянский вопрос».

Явные признаки разложения феодально-крепостнического уклада самодержавной России стали сказываться еще задолго до Крымской войны, которая с неумолимой ясностью выявила, по словам Ленина, «гнилость и бессилие крепостной России» и создала к середине пятидесятых годов предпосылки революционной ситуации, совершенно четко обозначившейся в период 1859—1861 годов.

Медленно, но неуклонно — и чем дальше, тем быстрее — страна вступала на путь капиталистического развития. Главным препятствием, основной помехой на этом пути оставалась изжившая себя крепостническая система, тормозившая поступательное историческое движение, налагавшая тяжелые цепи на все отрасли народного хозяйства.

Неизбежный глубочайший кризис этой системы двигался с нарастающей быстротой.

Еще в 1839 году шеф жандармов А. Х. Бенкендорф в своем «всепопданнейшем» отчете Николаю I довольно откровенно обрисовал ему угрожающее положение в стране в связи с усиливавшимися крестьянскими волнениями. «Весь дух народа, — писал Бенкендорф, — направлен к одной цели — к освобождению, а между тем во всех концах России есть праздные люди, которые разжигают эту идею... Вообще крепостное состояние есть пороховой погреб под государством... Начать когда-нибудь и с чего-нибудь надобно, и лучше начать постепенно, осторожно, нежели дожидаться, пока начнется снизу, от народа. Только тогда будет мера спасительна, когда будет предпринята самим правитель-

ством, тихо, без шума, без громких слов и будет соблюдена благоразумная постепенность. Но что это необходимо и что крестьянское сословие есть пороховая мина, — в этом все согласны...»

Но нужен был удар страшной силы, чтобы правящие верхи осознали неизбежность изменений в жизни страны и пошли на уступки в вопросе об освобождении крестьян. Нужно было пережить позор поражения в войне, чтобы царское правительство решилось, наконец, хотя бы на осторожную и постепенную подготовку к отмене крепостного права.

Узел противоречий, который стремилось распутать правительство Александра II, заключался в том, что, с одной стороны, оно хотело бы сохранить основы феодально-крепостнического уклада, а с другой стороны, для него уже стала очевидной невозможность удержать в неизменном виде формы господства правящих классов над трудящимися классами после того, как исход Крымской войны усилил угрозу повсеместного крестьянского восстания. «Это было время, — пишет товарищ Сталин, — когда правительство получало двойной удар: извне — поражение в Крыму, изнутри — крестьянское движение. Потому-то правительство, подхлёстываемое с двух сторон, вынуждено было уступить и заговорило об освобождении крестьян: «Мы должны сами освободить крестьян сверху, а то народ восстанет и собственными руками добьётся освобождения снизу». Мы знаем, что это было за «освобождение сверху»...»¹

Поражение России в Крымской войне создало чрезвычайную напряжённую обстановку в стране. Народ стал открыто выражать свое недовольство Крестьян-

¹ И. В. Сталин. Сочинения, т. 1, стр. 206.

ские волнения вспыхивали одно за другим. Теперь они исчислялись уже сотнями. В. И. Ленин, характеризуя этот исторический этап, писал, что даже «...самый острый и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной»¹.

Когда в 1856 году был подписан Парижский мир, главнокомандующий русской армии князь Горчаков сказал Александру II: «Хорошо, что мы заключили мир, дальше воевать мы были не в силах. Мир дает нам возможность заняться внутренними делами, и этим должно воспользоваться. Первое дело — нужно освободить крестьян, потому что здесь узел всяких зол».

Проблема освобождения крестьян от крепостного гнета стала, таким образом, выражением исторической неизбежности. Но освобождение это могло произойти двумя путями. Один из них, выдвинутый крепостниками и поддержанный либералами, — это реформа «сверху», предполагающая сохранение царской власти и помещичьего землевладения и на деле означающая новый метод ограбления народа. Другой путь — революционное уничтожение крепостничества и свержение царизма. Этот путь указывали революционеры-демократы, во главе которых стоял Чернышевский, призывавший народ под знамена крестьянской революции.

Во избежание революционного взрыва царское правительство прибегло к освобождению крестьян «сверху», при полном сохранении помещичьего землевладения. Эта сделка либералов с крепостниками за счет «освобождаемых» без земли крестьян вызвала

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 5, стр. 27.

гневное возмущение Чернышевского, который беспощадно разоблачал истинный смысл этой реформы, называя ее «мерзостью».

В эпоху, предшествующую реформе, в дни этой реформы и после нее Чернышевский и его соратники, представители революционной демократии, последовательно и упорно отстаивали интересы многомиллионных масс угнетенного крестьянства. Они вели борьбу с крепостниками, а равно и с либералами, поддерживавшими реформу и стремившимися скрыть ее подлинную сущность.

В 1856 году Александр II и его ближайшие приспешники, памятуя о рецепте, предложенном в свое время Бенкендорфом Николаю I, решили приступить «с благоразумной постепенностью», «осторожно и тихо» к подготовке отмены крепостного права.

Слова: «освобождение сверху» и «освобождение снизу», употребленные в отчете шефа жандармов, фигурируют в обращениях Александра II к дворянам. Коронованный крепостник понимал, что «существующий порядок владения душами не может оставаться неизменным». Он заявил московским дворянам: «Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само начнет отменяться снизу».

«Решимость» эта была продиктована отнюдь не состраданием к угнетенному крестьянству и не человеколюбием Александра II, как это пытались изображать восхвалявшие «реформу» буржуазные историки; нет, единственной силой, заставившей Александра II и крепостников пойти на уступки в этом вопросе, была «сила экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма. Помещики-крепостники не могли помешать росту товарного обмена России с Европой,

не могли удержать старых, рушившихся форм хозяйства»¹.

Царское правительство хотело подготовить свои будущие мероприятия по осуществлению «реформы» в глубокой тайне². Оно опасалось даже употреблять до поры до времени самое выражение «освобождение крестьян» и заменяло его в официальных документах туманными словами: *«устройство быта помещичьих крестьян»*.

С самого начала Чернышевский отчетливо сознавал, что подготовка к реформе ведется правительством «с желанием требовать как можно меньше пожертвований от дворянства».

«Шила в мешке не утаишь», — говорит мудрая русская пословица. Тайные покровы, которыми правительство Александра II декорировало умышленную бюрократическую проволочку в злополучном «крестьянском вопросе», постепенно приоткрывались, обнажая в самом неприглядном свете истинные намерения крепостников. Секретный комитет был со временем преобразован в Главный комитет об устройстве сельского состояния; в помощь ему были учреждены губернские дворянские комитеты и редакционные комиссии. Все эти комитеты и комиссии, комиссии и комитеты в течение целого пятилетия занимались разработкой всевозможных проектов, сущность которых сводилась к поискам и установлению новых форм ограбления трудового народа.

Ухищрения этих бюрократических инстанций, сто-

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 17, стр. 95.

² Осенью 1856 года был образован Секретный комитет под председательством Александра II для обсуждения мер по устройству быта крестьян, в состав которого вошли виднейшие сановники.

явших на страже классовых интересов дворян, были направлены к тому, чтобы в результате пресловутого «освобождения» земли попрежнему остались бы в руках помещиков.

Закабаленный народ, за спиной которого шла эта предательская работа помещичьих комитетов и комиссий, жадно ловил доходившие до него смутные слухи о «воле».

Шеф жандармов Долгоруков во всеподданнейшем докладе Александру II в 1858 году писал, что крестьяне «в ожидании переворота в их судьбе находятся в напряжённом состоянии и могут легко раздражиться от какого-либо внешнего повода».

Внимание всей страны было приковано к крестьянскому вопросу. Волна общественного возбуждения вынесла его из стен правительственных комитетов и комиссий на страницы прессы.

В эти дни Чернышевский писал отцу: «Все здесь, как и по всей России, заняты исключительно рассуждениями об уничтожении крепостного права».

Стоя на страже кровных интересов родного народа, он пристально следил за малейшими изменениями в ходе подготовки реформы, внимательнейшим образом изучал расстановку сил в начинавшейся борьбе, разоблачая одну за другой все уловки противника.

Опыт борьбы за крестьянскую реформу, возраставшее все время сопротивление крепостников и либералов осуществлению ее в интересах народа — все это укрепляло Чернышевского в убеждении, что только революционным путем народ может добиться освобождения.

Чернышевский был замечательным стратегом и тактиком. Те немногие «поощрительные» выражения по адресу Александра II в 1857 году, которые употребили

ны в статье «О новых условиях сельского быта», были обусловлены желанием подтолкнуть противника на максимум возможных уступок, желанием ослабить его и продолжать в дальнейшем борьбу с удесятеренной энергией.

В знаменитой статье «Русский человек на rendez-vous» Чернышевский пугает помещиков революцией в случае их неуступчивости, надеясь еще этой угрозой добиться благоприятных для крестьян условий реформы.

Но статья «Русский человек на rendez-vous» (1858 г.) была последней в этом роде. Чернышевскому становится ясно, что судьба реформы в руках крепостников, что она будет проведена с наименьшим ущербом для помещиков и к максимальной невыгоде для крестьян. И Чернышевский, как указывает В. И. Ленин в книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «...протестовал, проклинал реформу, желая ей неуспеха, желая, чтобы правительство запуталось в своей эквилибристике между либералами и помещиками и получился крах, который бы вывел Россию на дорогу открытой борьбы классов»¹.

Вся революционно-публицистическая деятельность великого демократа в период 1856—1862 годов (точнее: до ареста в июле 1862 года) была направлена на сплочение авангарда передовой русской интеллигенции для подготовки революционного взрыва в стране.

В. И. Ленин пишет о первых русских социалистах:

«Вера в особый уклад, в общинный строй русской жизни; отсюда — вера в возможность крестьянской социалистической революции — вот что одушевляло их,

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 1, стр. 264.

поднимало десятки и сотни людей на героическую борьбу с правительством»¹.

Чернышевскому представлялся возможным, при условии победы крестьянской революции, переход России к социализму через общину, минуя капиталистическую стадию развития.

Объясняя утопический характер этого представления, В. И. Ленин говорит: «Чернышевский был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину, который не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма. Но Чернышевский был не только социалистом-утопистом, — продолжает В. И. Ленин, — он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»².

В начавшейся в 1857 году полемике с реакционными экономистами, выразившими точку зрения помещиков-крепостников, Чернышевский настаивал на том, что необходимо сохранить принцип общинного владения крестьян землею.

Обоснованию и защите этой точки зрения посвящены его большие статьи «Studien» («Исследования о внутренних отношениях, народной жизни и в особенности сельских учреждениях России» барона А. Гакстгаузена — июль 1857 г.) и «О поземельной собственности»,

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 1, стр. 246.

² В. И. Ленин. Сочинения, т. 17, стр. 97.

«Критика философских предубеждений против общинного владения», «Суеверие и правила логики».

Глубокое отличие взгляда Чернышевского на общину от взгляда на нее славянофилов заключалось в том, что последние, отстаивая патриархальное общинное владение, вовсе не помышляли о свержении самодержавного режима. Для них община была «оплотом разумного консерватизма». А в глазах Чернышевского сохранение общины при условии коренного изменения социально-политического строя явилось бы важной гарантией благосостояния крестьянского сословия.

Исходя из диалектического закона о всеобщем развитии, Чернышевский указывал, что изменение форм общественного устройства должно завершиться общинным владением не только на землю, но и на средства производства вообще, как наивысшей формой собственности.

«Я очень рад, — писал он в июне 1857 года А. С. Зеленому, — что Вам кажется важен вопрос об общинном владении. Быть может, я ошибаюсь в своем мнении об этом деле, но, действительно, с теоретической точки преимущество общинного владения доказано неоспоримо».

Приглашая своего корреспондента выступить в «Современнике» со статьями по этому вопросу, он замечал: «Прямо говорить нельзя, будем говорить как бы о посторонних предметах, лишь бы связанных с идеею о преобразовании сельских отношений... Лишь бы только прошло цензуру, с радостью надобно печатать все, касающееся положения наших поселян... Вмешайтесь в это дело и обсудите вопрос с практической точки: 1) Оттого ли бедны поселяне, что по общинному праву получают участки, или от крепостного права и страшной администрации? 2) Действительно ли не-

удобства общинного владения не могут быть отстранены более разумным порядком переделов с оставлением неприкосновенности принципа: «каждый сын земли имеет право на участок этой земли»... «Каждый земледелец должен быть землевладельцем, а не батраком, должен сам на себя, а не на арендатора или помещика работать... Как скоро допустим, что при эмансипации земля дается в полную собственность не общине, а отдельным семействам с правом продажи, они продадут свои участки, и большинство сделается бобылями.

Освобождение будет, когда — я не знаю, но будет; мне хотелось бы, чтобы [оно] не влекло за собою превращение большинства крестьян в безземельных бобылей! К этому я хотел бы приготовить мысль образованных людей, давно приготовленных к эмансипации».

Используя любые возможности легального обсуждения крестьянской проблемы, Чернышевский с величайшим искусством обходил цензурные преграды и воспитывал своими статьями, как указывает В. И. Ленин, *настоящих революционеров*.

Одна из первых статей Чернышевского по крестьянскому вопросу, называвшаяся «О новых условиях сельского быта», сопровождалась обращением «Современника» к читателям, в котором говорилось: «Все внимание России устремлено теперь на дело отмены крепостного права... Для соответствия с потребностями и ожиданиями своих читателей, «Современник» с следующей (пятой) книжки (1858 года) будет постоянно помещать статьи, посвященные вопросу об уничтожении крепостного права, под общим заглавием «Отменение крепостного права».

Но даже одно это нежелательное для правительства прямое обозначение журнальной рубрики тотчас же вызвало цензурную «поправку». В дальнейшем обещанное название рубрики исчезло и соответствующий материал печатался под другим общим заглавием: «Устройство быта помещичьих крестьян».

Таким образом, редакцию «Современника» в именовании этого раздела принудили держаться официальной терминологии. Однако содержание статей по крестьянскому вопросу в «Современнике», написанных в большинстве случаев Чернышевским, было прямо направлено против официальной точки зрения.

Прежде всего Чернышевский с замечательной глубиной и убедительностью показал в своих статьях исторический вред русского крепостного права вообще. Ему и прежде удавалось косвенным образом и частично затрагивать эту сторону дела в той или иной статье или рецензии. Теперь же он получил возможность поставить этот вопрос значительно шире и ясней.

В статье «Суеверие и правила логики» Чернышевский показывает, что одною из главных причин отсталости царской России было крепостное право. «Коренным образом крепостное право принадлежит сфере сельского хозяйства, и само собою разумеется, что если оно обессиливало всю нашу жизнь, то с особенною силою должны были отражаться его результаты на земледелии...», «...Крепостное право, переделавши в своем духе все наши обычаи, конечно, не могло содействовать ни развитию духа предприимчивости, ни поддержанию трудолюбия в нашем племени. Если бы не было никаких других неблагоприятных обстоятельств, одного крепостного права было бы достаточно, чтобы объяснить жалкое положение нашего земледелия. Крепостное право было одним из учреждений, ослаб-

лявших народную энергию. Но не одному ему надобно приписывать страшный упадок ее. Крепостное право было только одним из множества элементов, имеющих такое же влияние на судьбу нации. Мы не хотим теперь перечислять всех этих вредных учреждений: для нашей цели довольно будет обратить внимание только на результат их. Русский народ жил, или, лучше сказать, прозябал или дремал в тяжелой летаргии... Энергия труда подавлена в нас вместе со всякою другою энергиею».

Тематика статей Чернышевского по крестьянскому вопросу менялась соответственно ходу подготовки реформы. Возбудив полемику в 1857 году по вопросу об общине, Чернышевский целый год сам не принимал в ней никакого участия. Объяснение этому он дает в статье «Критика философских предубеждений против общинного владения» (1858 г.). Выступая в пользу общины, Чернышевский не был, подобно народникам, безусловным ее сторонником. Не разделял он и распространяемых в то время иллюзий, что русская община должна явиться образцом для социального переустройства общества не только в России, но и на Западе.

«Как ни важен представляется мне вопрос о сохранении общинного владения, — писал Чернышевский, — но он все-таки составляет только одну сторону дела, которому принадлежит. Как высшая гарантия благосостояния людей, до которых относится, этот принцип получает смысл только тогда, когда уже даны другие низшие гарантии благосостояния, нужные для доставления его действию простора».

Таковыми гарантиями Чернышевский считал два условия: освобождение крестьян *с землею и без выкупа*. Вот почему по ходу подготовки реформы Чернышев-

екому пришлось перейти от защиты высшей гарантии к защите этих предварительных условий.

Статья «О новых условиях сельского быта», в которой Чернышевский горячо отстаивал принцип освобождения крестьян с землею, обратила на себя внимание царя и его приспешников.

В апреле 1858 года было начато дело в канцелярии Министерства народного просвещения по Главному управлению цензуры в связи с высказываниями «Современника» о крестьянском вопросе. Шеф жандармов князь В. Долгоруков предложил министру народного просвещения срочно сообщить, кем написана статья «О новых условиях сельского быта» и была ли она рассмотрена депутатом Министерства внутренних дел, состоящим при Главном цензурном комитете.

Долгоруков мотивировал чрезвычайную спешность своего запроса тем, что «некоторые места означенной статьи... обратили на себя внимание» Александра II.

Завязалась ведомственная переписка, в результате которой статья Чернышевского была квалифицирована в Главном цензурном комитете как «произведение, совершенно противное видам правительства и возмутительное».

Последовали: выговор Панаеву, выговор цензору, повеление министру просвещения Ковалевскому дать циркуляр о недопущении печатания статей подобного характера, предписание цензорам «не позволять упоминать нигде в сочинениях о напечатанной в апрельской книжке «Современника» 1858 года статье «О новых условиях сельского быта»

